

УДК 94(47).083+929

СЮЖЕТЫ О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Е.Н. Синельникова

Саратовский государственный университет
E-mail: SinelnikovaEN@mail.ru

В статье рассматривается один из аспектов общественной мысли в эмиграции – отношение к историческому наследию бывшей Российской империи. Работа построена на неопубликованных ранее материалах редакции эмигрантской газеты «Дни».

Ключевые слова: российская эмиграция, общественная мысль, редакция газеты «Дни», российская история.

Topics on Russian History in Imagination of Russian Emigration of the First Wave

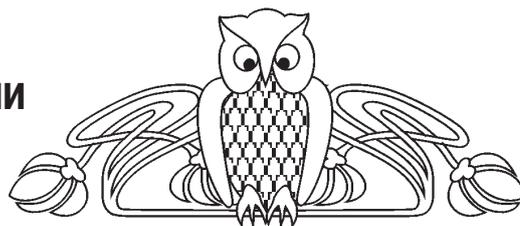
E.N. Sinelnikova

The author in the article examines one of the aspects of social thought in emigration – the attitude to the historical heritage of the former Russian Empire. The article is based on the papers of "The Days" newspaper, which was not published before.

Key words: Russian emigration, social thought, editorial office «The Days», Russian history.

С самого начала своего пребывания за границей, после февраля 1917 года и последующей Гражданской войны, у представителей бывшей Российской империи наблюдался повышенный интерес к истории и совсем еще недавнему прошлому. Это не удивительно, так как эмигранты были свидетелями событий во многом для них непонятных и ими не принятых. Эмигрантское сознание приняло выстраивать новый идеал развития исторического пути для России, а для этого ему приходилось активно обращаться к сюжетам прошлого. К тому же, покинувшая Россию интеллигенция была проникнута идеей служения особой эмигрантской миссии, заключавшейся в сохранении уникальных традиций русской культуры. Выполнение этой задачи часто сопровождалось ностальгическими переживаниями о некогда великой Российской империи с ее богатой историей. Эмигранты были проникнуты так называемым «историческим чувством», которое, по выражению историка культуры российской эмиграции В. Вейдле, следует понимать, как «чувство индивидуального, специфического, того, что принадлежит одному только народу или только одной эпохе, того, что неповторимо, чувство единственного»¹. Именно такое чувство об утерянной России должны были сохранить эмигранты в исторической памяти.

Разного рода промонархические политические структуры проявляли наибольшую актив-

ность в апеллировании к историческим сюжетам. На страницах их газет и журналов мы встречаем этому подтверждение. В то же время обращение к образам прошлого было характерно не только для сторонников возрождения в России монархии. Размах этого явления в эмигрантской среде был существенно шире.

Очень показательными в этом плане являются письма и статьи, касающиеся исторических сюжетов, присланные читателями в редакцию газеты «Дни», которая издавалась еженедельно сначала в Берлине (1922–1925 гг.), а затем в Париже (1922–1928 гг.). Это был известный печатный орган правых эсеров, возглавляемый А.Ф. Керенским. Редакция газеты сотрудничала также с «Последними новостями» и «Современными записками». Сама газета не причисляла себя к какому-либо политическому направлению, о чем и сообщала в первом номере: «Газета “Дни” основана группой лиц, не связанных в деле ее издания никакими обязанностями ни с одной из существующих в России или за границей политических партий и организаций»².

В то же время исследователи эмигрантской прессы отмечают, что все без исключения газеты и журналы так называемого «Русского Берлина» полностью зависели от издававших их финансовых и политических групп и фактически не представляли собой свободной прессы³. Газета «Дни», как и многие эмигрантские издания, испытывала очень серьезные денежные затруднения. Ее тираж часто не раскупался⁴. В одном из писем в редакцию встречается просьба полностью прекратить рассылку газеты, так как 90% ее тиража остается нераспроданным⁵.

В редакцию газеты поступало большое количество корреспонденции, но далеко не все присланные материалы были опубликованы. Зачастую присылались работы, не отвечающие концепции «Дней». Между тем эти статьи важны для понимания эмигрантского настроения и выявления общих тенденций, характерных для общественной мысли русского зарубежья. В этом плане вызывает научный интерес работа неизвестного автора, присланная на конкурс под названием «Какой я хочу видеть будущую Россию»⁶, и подписанная инициалом «А». Автор обратился в редакцию с просьбой поместить ее в разделе «отклики читателей». Судя по всему, цель ее написания – попытка создать автором некую идеальную схему нового Российского государства. По ходу изложения респондентом своей мысли становится понятна

глубинная цель работы. Автор, отмечая ошибки правления династии Романовых, пытался убедить читателей в том, что старая Россия в лице этой царской династии себя изжила. Статья, очевидно, была рассчитана на широкий круг читателей, но с нескрываемой надеждой найти отклик у сторонников ограниченной монархии.

Большая часть статьи посвящена именно анализу династической линии Романовых в ретроспективе. Автор в основном затрагивает сюжеты, связанные со временем правления Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II. О правлении Николая II, который для автора являлся современником, речи не идет, но зато отдельный сюжет посвящен жене последнего монарха – Александре Федоровне. Сделано это, думается, для того, чтобы показать, к каким результатам привело германофильство, характерное, по его мнению, российским монархам на протяжении нескольких веков. Роль последней императрицы конкурсант характеризует следующим образом: «А злосчастное последнее царствование, это изуверское правление сумасшедшей царицы. Ее предательская деятельность во время войны с Германией, этот единственный в своем роде факт, что безвольный во всем ей подчиняющийся царь должен был в 16 году сделать распоряжение о том, что бы с ней не говорили о военных предположениях, т.к. военные секреты становились известными врагу в порядке “родственном”»⁷.

На примере с Александрой Федоровной автор создал образ династии Романовых, «чуждой» для России. Даже «блеск эпох» Екатерины II и Александра II не относится к их заслугам – это, по мнению автора, целиком и полностью является достижением «целого ряда талантливых деятелей, которых выдвинуло русское общество того времени. О Екатерине II можно только сказать, что она была настолько умна, чтоб им не мешать. И не больше этого можно сказать об Александре II»⁸.

Единственный положительный образ правителя за все время царствования Романовых – это образ Петра Великого. Имя Петра I ассоциируется у автора с самыми большими достижениями Российской империи, с пиком ее развития, который начиная с правления Николая I пойдет на спад. Все цари династии после Петра выступают в роли реакционеров, решительно порвавших с его традициями. Реакция, как считал респондент, проявлялась главным образом в том, что «цари этой династии всеми силами препятствовали распространению образования, просвещения народных масс и поднятия их на высокий культурный уровень»⁹, в то время как Петр I стремился к сокращению разницы в уровне «культурных традиций» между Россией и странами Европы и Азии. «Он понимал, – отмечал автор, – что государство не может отстоять своего существования под напором народов с развивающейся культурой»¹⁰. Эта реформаторская жилка Петра I особенно нравилась эмигрантам.

Как показывает анализ корреспонденции, поступавшей в редакцию «Дней», наибольшее внимание среди сюжетов российской истории уделялось деятельности тех личностей, которые внесли или хотя бы пытались внести преобразовательный вклад. Принимая это во внимание, не удивительно, что Петр I наряду с декабристами был особенно популярным персонажем в этом контексте. Интерес к декабристам, в свою очередь, подогревался еще и вследствие приближения круглой даты – столетия со дня трагических событий на Сенатской площади. Письма и статьи, присланные в редакцию, подтверждают эту тенденцию. Среди них, например, письмо профессора А.И. Изюмова «Портреты декабристов». В нем автор размышляет по поводу юбилейного издания книги с портретами декабристов и о предстоящих торжественных мероприятиях¹¹.

Возвращаясь к анализу конкурсной работы, отметим, что о декабристах автор почти не распространяется, явно считая их попытку переустройства России несущественной по сравнению с реформаторским вкладом Петра Великого. Излагая эти аспекты в своей работе, автор подводит читателя к выводу о том, что фамилия Романовых – символ старого неудачного правления. Ее образ, за редким исключением, связан только с негативными моментами. Она никогда не могла понять чаяний русского народа и поэтому ему не подходит. «Эта династия была всегда чужда России, – отмечал автор, – не знала и презирала ее культуру, представителей которой она ненавидела и часто жестоко преследовала (Пушкин, Лермонтов, Толстой и многих других)»¹². Династия рода Романовых ассоциировалась респондентом со своего рода невезением, так как «за все время пребывания у власти она не выдвинула ни одного выдающегося правителя. О самом как будто “заслуженном” из них – об Александре I Пушкин писал: “властитель слабый и лукавый, ленивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой”»¹³. В военных вопросах, продолжает он, Романовы тоже были обречены на проигрыш: «поражение в Крымской кампании, позорнейшее поражение, понесенное от Японии, поражение в войне с Германией – вот чем Россия обязана этой династии»¹⁴.

Прибегая к такой подаче исторических фактов, автор рассчитывал получить согласие читателей на то, что «возвращение к власти династии Романовых или верных сатрапов Романовых не должно быть ни в коем случае»¹⁵. Единственный представитель императорской семьи, заслуживший в статье положительный отклик, был Николай Николаевич¹⁶. Но из-за возраста его персону не рассматривалась автором в качестве возможного претендента на царский престол. Великий князь охарактеризован респондентом человеком не только «непохожим на других членов императорской фамилии, но и человеком способным оказать противодействие изменничеству и германофильству»¹⁷.

Можно заметить, что озвученная в конкурсной работе тема непопулярности Романовых среди эмигрантов нередко затрагивалась на страницах газеты «Дни». В частности, в одном из номеров Питирим Сорокин дал анализ современного отношения к проблеме: «тоска по монархии и особенно по бывшей династии не наблюдается. Есть тоскующие единицы, но именно единицы. Другие просто говорят: “Нет кандидата”. Большинство – республиканцы. Значительная часть – безразлична»¹⁸.

Можно согласиться с тем, что в эмиграции было много людей, разочарованных правлением династии Романовых, но предположить, что интерес к этой семье полностью пропал, было бы крайне неверно. За границей наблюдалось интересное явление: Романовы в эмигрантском сознании наделяются своеобразным мистическим ореолом. Статья С.Р. Минцлова под названием «Самозванцы или больные» легко нас в этом убеждает. Мистический фон создается, прежде всего, слухами (масштаб которых, по всей вероятности, был немалым) о чудесном спасении Великой княжны Анастасии и царевича Алексея. Минцлов пишет, что легенда о спасении великой княжны Анастасии Николаевны стала обходить не только иностранные, но и русские газеты. В них сообщалось, что «бывшая императрица для опознания внучки послала доверенное лицо в Берлин <...> и это лицо будто бы нашло в ней полное сходство с Анастасией Николаевной»¹⁹. Далее, в приводимых Минцловым слухах мы находим неоднозначный ответ доверенного лица некой княжны Т. перед императрицей на вопрос – действительно ли девушка, выдающая себя за Анастасию, является царевной: «я не могу сказать нет, а сказать да мне страшно»²⁰. Слухи, построенные по такому принципу, которые не оставляют однозначного ответа, в еще большей степени провоцировали появление новых слухов.

Второй причиной, способствовавшей формированию мистического образа династии, является наличие близких, особых отношений последней августейшей семьи с Григорием Распутиным, которому еще его современники приписывали необъяснимые удивительные свойства. За границей мистификация Распутина только усилилась²¹. Не случайно на страницах французской газеты «Общее дело» под заглавием «Кошмар старого режима» был напечатан отрывок о смерти Распутина по материалам дневниковых записей В.М. Пуришкевича – одного из участников его убийства²². Газета «Дни» тоже коснулась этой темы. Среди корреспонденции редакции на эту тему мы встречаем письмо с полным оглавлением дневника А.А. Вырубовой (Танеевой), в котором Распутин, по сути, занимает центральное место²³. В то же время необходимо отметить, что русские эмигранты видели опасность в мистификации личности Распутина. Так, например, Зинаида Гиппиус в своем письме к П.Н. Милюкову вы-

сказалась на этот счет совершенно определенно: «мистика, взятая единолично, не имеющая корректива, ничем не ограничивающая себя, имеет роковую тенденцию переходить в безумие»²⁴.

Не меньше чем личность Григория Распутина мистическим ореолом была окружена и личность царевича Алексея. Эмигрантское сознание отождествляло его с сыном Ивана Грозного – царевичем Дмитрием, а саму ситуацию февраля 1917 г. эмигранты называли «смутой». Яркое подтверждение этому можно найти на страницах парижской эмигрантской газеты «Луч» в статье А. Рогожина под названием «Повторение истории». «Это было триста с лишним лет тому назад, – писал он. – Наступило в России смутное время. Полыхала страна неурядицами, <...> тушинские воры и самозванцы правили страной. Так же как и тогда, лежит Россия большая, истерзанная, обескровленная и обессиленная. Как и тогда полыхает смута от края до края»²⁵.

В другой статье С.Р. Минцлова «Прошлое» тоже затрагивалась тема «смуты». Автор задается вопросом «Кто был тот, кто вошел в историю под именем Лжедмитрия Первого?», и говорит о том, что в «Архиве иностранных дел Москвы» есть документы, подтверждающие, что прозванный Лжедмитрием человек был не «самозванцем», а царем московским – Дмитрием Первым, рожденном от Василисы Мелентьевой²⁶. Таким образом, по мысли Минцлова, история России знает двух царевичей Дмитриев, сыновей Грозного: старшего сына – от В. Мелентьевой и младшего сына – от Марии Нагой.

Необходимо отметить, что для эмигрантов тема «смуты» стояла очень остро, события февраля 1917 г. напоминали им сценарий происшедшего в XVII в. и осознавались не как революция, а как переворот. Статья неустановленного автора «Элементарные уроки истории», присланная в редакцию газеты «Последние новости», целиком посвящена этому вопросу. В ней автор пытался досконально выяснить природу смуты. Эта статья родилась в качестве своеобразного ответа на высказывание генерала П.Н. Врангеля о том, что он верит в силу русского народа, который, как 300 лет назад, вернет Россию на исторический путь, утерянный в Смутное время.

Автор на примере Врангеля подмечает присутствующее для эмигрантского сознания понимание смуты, как некоего события, «отмежевывающего одну главу русской исторической схемы от другой». При таком восприятии, писал он, «смутное время может казаться случайным не “историческим” явлением, почти не русским»²⁷. Ссылаясь на труды русской исторической науки, в частности С.Ф. Платонова и В.О. Ключевского, автор объясняет всю несостоятельность высказывания генерала Врангеля. «Русская смута 300 лет назад вовсе не означала случайного схода с рельсов, – возражал он, – а явилась в результате именно исторического пути древней Руси»²⁸.

Смутное время, по мысли автора, назад Россию не вернуло, смута просто изменила природу новой царской власти и отношения к ней, подобное случилось и в XX веке. «Кто скажет, что русская революция 1917 года является меньшей и по размерам и по времени, чем смутное время»²⁹, – задается он в связи с этим сакраментальным вопросом. И наконец, смута, по мнению автора, поменяла психологию людей: из покорных слуг государства они превратились в бунтующий народ «способный “сводить” царя с престола и “примерять” нового»³⁰. Впоследствии подобная практика, рассуждал он, не раз повторилась в дворцовых переворотах и прочно вошла в привычку. Под действием этой привычки и произошли события февраля 1917 г., – делал в заключение вывод респондент «Последних новостей».

Сведения, доходившие до эмигрантов из России или европейских стран о различных событиях, связанных с историческим наследием бывшей империи, также подпитывали у эмигрантов мистическое ощущение. В отношении некоторых царственных персон это было особенно заметно, так как их мистический образ в истории уже существовал до этого уже несколько веков. Так, мистицизм императорской власти Павла I поддерживался им самим. Эмигранты продолжали сохранять этот исторически сложившийся мистический образ Павла I. В редакции газеты «Дни» сохранилась интересная заметка О.В. Семеновуло о Павле I. Автору статьи через иностранную прессу становится известно о появлении на Мальте портрета царя. Этот портрет, на котором Павел изображен в парадном одеянии Грандмастера Католического Ордена³¹, побуждает автора пуститься в исторический экскурс по поводу пребывания русских на Мальте.

Автор напомнил обстоятельства зачисления в почетные рыцари боярина Б.П. Шереметева и самого Петра I: «239 лет тому назад орден был оскотливлен специальной Миссией Петра I. Боярин Б.П. Шереметев в мае 1698 г. прибыл на Мальту. После заключения соглашения престарелый Грандмастер PERRELOS в торжественной обстановке объявил боярину Шереметеву, что царь его, Великий Петр – зачислен в почетные рыцари. Perrelos лично возложил на шею Шереметева массивную золотую цепь и большой крест (GRAND CROSS). Крест, которым награждали Шереметева, был дотронут до частицы Животворящего Креста Господня, потом до десной руки св. Иоанна Крестителя Господня, а потом уже был повешен, освещенный таким образом к цепи на шею русского боярина. <...> Птенец гнезда Петрова стал посвященным рыцарем (HONORIS causa)»³². Одеяние Павла I на портрете и изложенная автором процедура посвящения Петра I в рыцари явно овеяны мистическим ореолом, а убежденность автора в том, что Гроссмейстерство над орденом св. Иоанна Иерусалимского – одна из причин смерти Павла³³, в еще большей степени прибавляет мистики в повествование.

Из сведений, доходивших из бывшей Российской империи, едва ли не самой волнующей темой для эмигрантов было вскрытие гробниц Петра I и Екатерины II в 1920 году. Одному из респондентов газеты «Дни» – лейтенанту Мартинсону удалось побывать на этом мероприятии в качестве научного эксперта. Свои впечатления по поводу увиденного он описывает следующим образом: «Среди зрителей и членов комиссии волнение и недаром: перед нами Екатерина Великая. Правда, не живая и не в своей роскоши. Глазам представляются не ее полусгнившие платья, не пустые отверстия глаз, но Екатерина Великая такой, какой ее рисовали и изображали кистью в свое время художники. Перед нашими глазами женщина, единственное слово которой в сердцах окружающих было способно создать и любовь, и возбуждение, и сладкие надежды и даже смертельный испуг. <...> Женщина, у ног которой кланялись выдающиеся умы Европы и которая ворочала судьбой стольких людей. Императрица, которая умела любить и царствовать, наказывать и награждать»³⁴. Всем хотелось увидеть, вспоминал Мартинсон, «исторический гроб», но еще больше окружающих заинтриговало письмо – по всей видимости, послание потомкам, обнаруженное внутри него. «Там же находился пергаментный сверток, который перевязан уже поблеклой синего цвета лентой и запечатанный восковой печатью, <...> все хотели заглянуть в пергаментный сверток, которому насчитывалось 130 лет»³⁵.

Еще одной темой, пробуждавшей в эмигрантском сознании «историческое чувство» была тема, связанная с личностью А.С. Пушкина. Изучение его творческого наследия было очень популярным в эмиграции. Как отмечали сами эмигранты, «Пушкина старательно изучают, о нем много пишут и говорят, его торжественно чествуют в день годовщины, <...> не только пренебрежение к великому поэту, но и недостаточное уважение к нему считаются ныне некультурностью, непростительным варварством, постыдной отсталостью <...>, увлечение Пушкиным принимает характер “моды”, становится правилом приличия, приобретает неприятный оттенок заведомой и непрременной обязанности»³⁶.

Великий поэт предстаёт в русской эмиграции своеобразным символом и русской культуры, и одновременно национальной идеи. Постигание этого было очень важным для эмигрантов. Не случайно праздник русской культуры, отмечаемый в эмиграции, назывался «Пушкинским днем», и чем дальше по времени отдалялась Императорская Россия от эмигрантского настоящего, тем масштабнее становился этот праздник³⁷.

Память о Пушкине была дорога еще и потому, что его творческое наследие представляло собой некий феномен российского исторического сознания в его слитности и гармонии. Не случайно в статье М.Л. Рофмана, присланной в редакцию газеты «Дни», Пушкин называется историком³⁸,

а его произведения «Борис Годунов», «Арап Петра Великого», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка» воссоздают, как утверждал автор, русскую историю. Рофман отмечал, что русский человек воспринимает историю Древней Руси, равно как и прошлое XVI, XVII, XVIII веков, так, как они существуют в пушкинских образах: «В этом восприятии прошлого одно из чудесных свойств гения Пушкина (в Пушкине все чудно) и одно из проявлений его неразрывной и кровной связи со всей русской культурой, такой связи, которой нет ни у одного русского поэта, писателя, художника, музыканта. Такой связи, что воистину Пушкин является живым и прекрасным символом всей русской культуры»³⁹.

Таким образом, на примере присланных в редакцию газеты «Дни» писем и статей, а также корреспонденции других изданий можно проследить представления русских эмигрантов о разнообразных сюжетах российской истории. Кроме того, эти материалы позволяют воссоздать образ ушедшей России, какой она оставалась в памяти эмигрантов. Можно сделать вывод о том, что этот образ, как правило, был противоречив, зачастую мифичен, мистифицирован, и для каждой группы эмигрантов различен, но осмысление богатства своей истории было присуще всем им без исключения. Осознание этого и делало эмигрантов первой волны частью единого целого – частью России.

Примечания

- 1 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6845. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
- 2 «Дни». 1922. № 1 (29 окт.)
- 3 См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 75.
- 4 См.: *Яковлева Т.А.* Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Миллюкова и А.Ф. Керенского. Иркутск, 1996. С. 36.
- 5 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 1112. Л. 169.
- 6 Там же. Д. 17. Л. 1.
- 7 Там же. Л. 3 об.
- 8 Там же. Л. 3.
- 9 Там же. Л. 2.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Д. 18. Л. 1.
- 12 Там же. Д. 17. Л. 3 об.
- 13 Там же. Л. 3.
- 14 Там же. Л. 2.
- 15 Там же.
- 16 Великий князь Николай Николаевич пользовался большим авторитетом у военной эмиграции и у сторонников необходимости созыва учредительного собрания для определения дальнейшей формы правления России. Его фигура рассматривалась в качестве реального претендента на престол, особенно после объединения правых монархических сил на съезде в немецком городе Бад-Рейхенгалле в 1921 г., когда съезд утвердил монархию в качестве единственного способа возрождения России. (См.: *Варакса А.Н.* Идея монархии в политической мысли русского зарубежья (1920–1940-е гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 8; *Александров А.В.* Образ будущей России в общественно-политической жизни российского зарубежья 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 17.)
- 17 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- 18 «Дни». 1922. № 20 (21 нояб.).
- 19 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Джуманова (Елена Ф.)* «Мои встречи с Григорием Распутиным» // *Современные записки* 1923 г. № 14; *Маклаков В.А.* «Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина» // *Современные записки*. 1928. № 34; *Охотников (Ф.)* «Ф.Ф. Юсупов. Конец Распутина» // *Звено* 1928 г. № 3; *Наживин И.Ф.* Где наша земля обетованная?: Мысли об устройении земли. Париж, 1926. (В конце текста отзыв о романе «Распутин»); а также статьи А.С. Симановича – секретаря Г.Е. Распутина: «Николай II, Распутин и их фаворитки»; «Роковая участь приближенных к Николаю»; «Вильгельм II, Николай II и Распутин» // ГАРФ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 95; «Мой визит к Распутину» // ГАРФ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 2.
- 22 «Общее дело». 1919. № 34 (12 фев.)
- 23 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 1115. Л. 1.
- 24 Там же. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 346.
- 25 «Луч». 1920. № 5 (1 июня).
- 26 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.
- 27 Там же. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 4.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Д. 193. Л. 3.
- 32 Там же. Л. 3 об.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 215. Л. 3–4.
- 35 Там же. Л. 3.
- 36 *Голлерба Э.* Пушкин и наши дни // *Сполохи*. 1923. № 15. С. 13–17.
- 37 См.: *Маклаков В.А.* Русская культура и А.С. Пушкин // *Современные записки*. 1926. № 29. С. 228.
- 38 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 321. Л. 1.
- 39 Там же.